

22

72506

COBISS

Левъ Толстой

КАКЪ ЮРОДИВЫЙ.

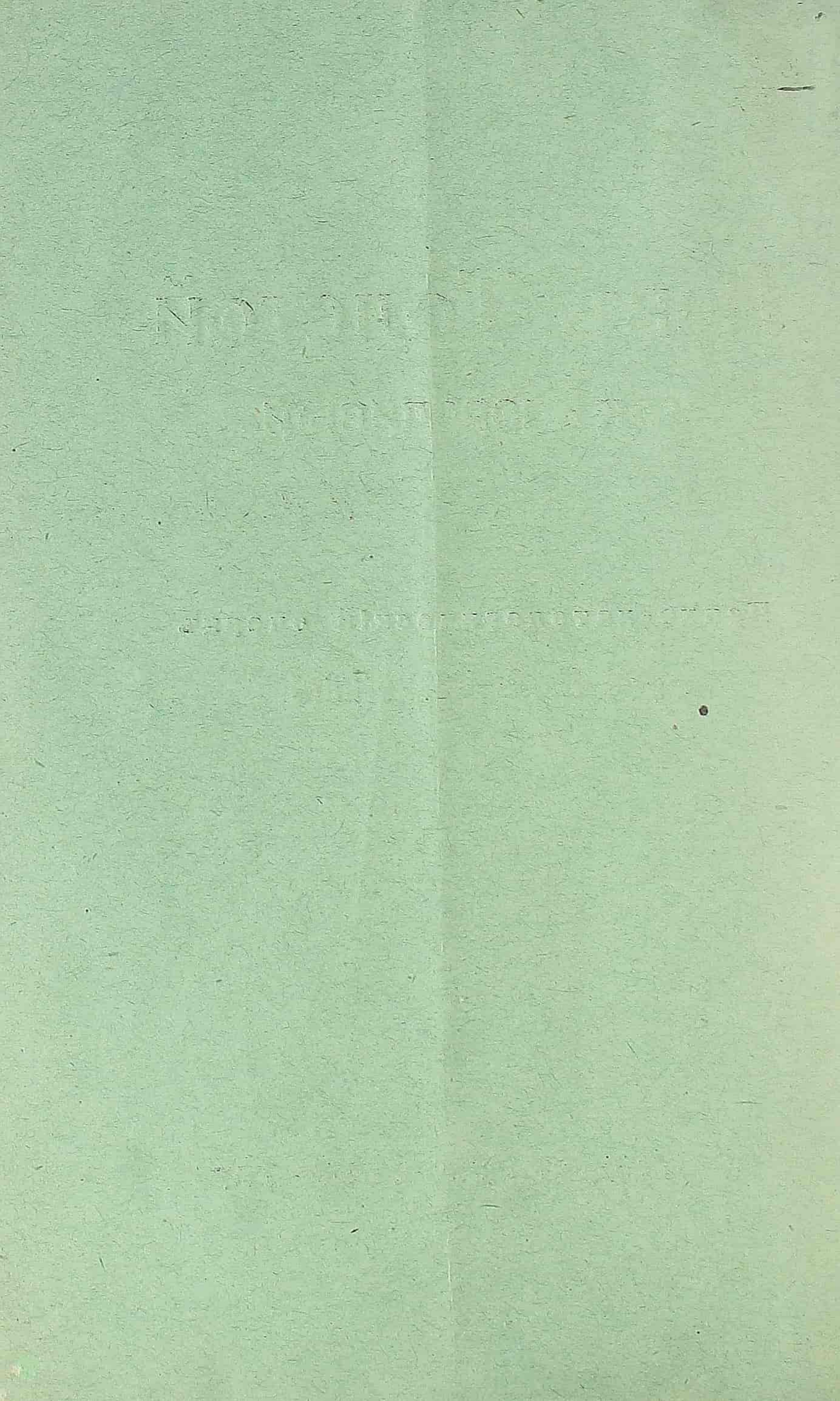
Д. Маркович

Психо-патологическій очеркъ

д-ра Н. В. Краинскаго.

Русская Типографія въ Бѣлградѣ, Космайска 51.

ID = 144827399

УНИВ. БИБЛИОТЕКА
И. Бл. 72506

Левъ Толстой

КАКЪ ЮРОДИВЫЙ.

Психо-патологическій очеркъ

д-ра Н. В. Краинскаго.

Литераторъ: „Вы взбудоражите осиное гнѣздо“.

Авторъ: „Это не опасно. Они будутъ говорить не то, что думаютъ“.

Русская Типографія въ Бѣлградѣ, Космайска, 51.

1.

Почти полвѣка по всему цивилизованному міру раздается изъ устъ великаго растлителя земли русской причудливая проповѣдь безвѣрія, анархіи, сумбурныхъ разсужденій претендующихъ на философскую систему, призыва къ разрушенію культуры, неповиновенію власти, хулы науки и знанія, восхваленія невѣжества.

Четверть вѣка цивилизованный міръ оставался терпѣливымъ свидѣтелемъ великаго комедіантства опрощенія, отрицанія духовныхъ цѣнностей, кощунства и поруганія святынь. Широкою волной лились лживыя поученія объ отреченіи отъ благъ земныхъ, передачи земли крестьянамъ, наставленія, какъ жить и чему вѣрить. Въ маскарадномъ нарядѣ пахаря одѣтаго въ мужицкую рубаху, босой, кумиръ больного общества, брель за сохой запряженною клячей, вдоль по дорогѣ, по которой ожидался проѣздъ иностранца. Напоказъ людямъ для приѣма ослѣпленныхъ паломниковъ опрощенный кабинетъ пренебрегающаго титуломъ графа, а сзади уютный кабинетъ русскаго барина, устроенный руками графинюшки для болѣе удобной работы великаго писателя.

Двуликій старецъ: одна фигура для толпы, другая для самого себя и для близкихъ. Когда же до ушей учителя доходилъ нескромный вопросъ дерзающихъ, почему не воплотить онъ въ дѣйствіе свое ученіе, онъ, умывая руки, заявлялъ, что сбыться благимъ порывамъ не суждено: „графинюшка не дозволяетъ“.

И только послѣ смерти учителя просвѣщенные большевиками мужички, воплотивши въ дѣяніе проповѣдь растлителя, разнесли Ясную Поляну, показавъ, какъ надо отрекаться отъ собственности и благъ земныхъ.

По всему міру разносилась широковъщательная реклама. Милліоны фотографій воспроизводили опрощеніе графа, а толпы интервьюеровъ и паломниковъ разносили сѣмя новаго ученія по городамъ и весямъ. Въ комнатѣ интеллигента неизбѣжно висѣлъ портретъ сѣятеля невѣжества и зла. Весь міръ узналъ роковое для Россіи имя. Вся пресса цивилизованнаго міра чтитъ кумиръ общественнаго мнѣнія. Прирожденный геній-художникъ, онъ лишь въ этой области былъ до конца великъ и славенъ. Философъ-невѣжда, убогій моралистъ и отрицатель, коверкающій принципы непротивленія злу, онъ въ этой области былъ ничтоженъ и слабъ. Лѣнивый баринъ, самъ не доучившійся, онъ сторонился упорнаго труда, которымъ завоевывался знаніе, и восхвалялъ невѣжество. Несокрушимо гордый, онъ все подчинялъ гордынѣ собственнаго духа и чарами своего художественнаго таланта поработилъ весь міръ.

Въ этомъ причудливомъ образѣ западъ видѣлъ воплощеніе русской души и культуры. Только полное непониманіе толстовщины мѣшало развѣнчанію лживаго проповѣдника.

Англичанинъ въ вагонѣ, узнавъ, что сидящій

противъ него русскій пассажиръ есть ученый, знаменательно ткнувъ пальцемъ ему въ грудь, важно произнесъ:

— „Толь—стой“...Такъ видѣла въ уродливомъ старцѣ Европа олицетвореніе Россіи.

Дерзкими шагами ступаль этотъ полубогъ по аренѣ русской общественности, всѣми величаемый, славимый и только втихомолку ненавидимый и презираемый.

Слава его гремѣла по всей землѣ. Въ ореолѣ не то святителя-проповѣдника новой жизни и новаго ученія, не то великаго еще не понятаго мыслителя и моралиста, старецъ велъ за собою интеллигентную Россію къ невѣдомымъ еще путямъ и цѣлямъ.

Толстой былъ самой крупной фигурой пред-революціонной Россіи, ея героемъ.

Непонятнымъ сфинксомъ рисовался этотъ образъ на фонѣ взбаломученныхъ теченій, несшихъ къ неизбежной катастрофѣ великій народъ съ широкою своеобразною душою.

На протяженіи четверти вѣка толпы людей падшихъ морально и слабыхъ умомъ, вереницы одержимыхъ, блаженныхъ духомъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, мистическою лентой тянулись къ великому посвященному, котораго создало ихъ же больное воображеніе. Чѣмъ ближе всматриваешься въ охваченное поклоненіемъ кумиру общество, тѣмъ больше приходишь къ заключенію, что это общество уже больное, что только на фонѣ неудержимо развивающагося душевнаго недуга гибнущаго государства, возможно было подобное обоготвореніе лживаго пророка.

Когда теперь вспоминаешь эти странныя теченія опрощенія и толстовщины съ ея колоніями и коммунами, ихъ отхожденіе отъ культурной жизни, и баръ, на смѣхъ трудовому крестьянину

играющихъ въ мужиковъ, какими скорбными кажутся эти каррикатурыя фигуры русскихъ интеллигентовъ! Соціальное сниженіе, неопредѣленныя исканія, стремленіе къ сектантству, и непротивленіе злу. Жалкій бредъ ослабѣвшаго ума и поступки слабой воли.

Что представляетъ собою этотъ новый проповѣдникъ: великаго мыслителя, философа, моралиста? Великій умъ, проникшій въ тайну откровенья и указавшій новые пути? Быть можетъ надо видѣть въ немъ своеобразнаго святого, служителя добра, непротивленія злу?

Или въ дерзкомъ богохульникѣ растлитель морали и права узнаемъ мы лживаго пророка, юродствующаго честолюбца, обманывающаго въ своей неисчерпаемой гордынѣ паломниковъ съ цѣлью только насытиться ихъ поклоненіемъ?

Великій ли поэтъ или злобный разрушитель, сѣющій духъ зла? Слабоумный комедіантъ или просто одержимый? Глупецъ или геній? Юродивый или юродствующій?

И кто эти очарованныя своимъ кумиромъ человѣческія толпы? Какими чарами онъ овладѣлъ умомъ и чувствами цивилизованнаго міра? Здорово ли само общество, вѣнчающее юродиваго и возводящее великаго циника на пьедесталь кумира, надъ нимъ же надругавшагося? Не лежитъ ли на этихъ толпахъ уже печать недуга приближающейся катастрофы, всеобщаго растлѣнія и гибели великаго народа?

Или, быть можетъ, почву для возвеличенія юродствующаго старца, надо искать въ своеобразныхъ чертахъ русской души, всегда склонной къ мистическону поклоненію непонятному, къ исканію откровеній, къ сектантству, нерѣдко доходящему до изуверства.

Русскій народъ всегда сердечно относился

къ преступникамъ, къ нищей братіи, къ бродягамъ и Божьимъ людямъ.

Типъ юродиваго — родной на русской нивѣ. И въ немъ всегда народъ искалъ откровенія, пророчества и Божьей правды. Разгадка этой „власти тьмы“ великаго растлителя надъ заблудшими человѣческими массами предполагаетъ опредѣленное взаимодействіе героя и толпы. И кажется, что лишь на почвѣ развивающагося повальнаго безумія могъ возвеличиться этотъ полубогъ и овладѣть больной душою интеллигентскихъ массъ.

2.

Характерною чертою умственныхъ эпидемій является потеря отдѣльными людьми ихъ индивидуальнаго, самостоятельнаго мышленія и подчиненіе его подъ вліяніемъ психической заразы и внушенія тѣмъ общимъ формуламъ, которыя охватываютъ заболѣвающее общество. Эти мысли выражаются въ стереотипныхъ фразахъ или кристаллизуются въ короткихъ словесныхъ лозунгахъ, типичныхъ для больной общественной мысли и мнѣнія. Въ это время никто не говоритъ того что думаетъ, а, выступая на трибунѣ и въ собраніяхъ, часто говоритъ обратное тому что думаетъ, ибо въ больномъ обществѣ царитъ страхъ передъ истиной, лицемеріе и ложь въ угоду толпѣ. Общество дезорганизуется не только физически, но и по своимъ психическимъ свойствамъ приближаться къ толпѣ со всѣми ея безобразными душевными качествами. Будучи неспособно къ коллективному мышленію, оно замѣняетъ мысли вѣрованіями, всѣ люди начинаютъ говорить общимъ языкомъ, часто получающимъ черты жаргона, а психіатръ найдетъ въ этой фразологіи новообразование словъ и причудливыя построенія

типичныя для душевнаго растройства называемаго гебефреніей. Эти вѣрованія проникнуты экстазомъ, пафосомъ и звучатъ тономъ хотя и фальшиваго но проникновеннаго убѣжденія. Душа толпы настроена и резонируетъ лишь на опредѣленныя рѣчи. Она не терпитъ никакого противорѣчія, не выноситъ слова истины. Она побиваетъ камнями смѣльчаковъ пытающихся ей противорѣчить и дикимъ ревомъ заглушаетъ неугольныя рѣчи.

Въ это подлое время, какъ говорилъ Наполеонъ, нельзя говорить иначе какъ на языкѣ толпы, вторя ея безумію.

Смѣльчакъ противорѣчащій толпѣ будетъ заплеванъ, осужденъ, осмѣянъ. И даже на исходѣ эпидеміи, когда отдѣльные люди въ душѣ уже давно прозрѣли, въ общественныхъ собраніяхъ лгутъ, поддѣлываясь подъ общій тонъ, въ поискахъ дешеваго успѣха. Страхъ передъ общественнымъ осужденіемъ является однимъ изъ сильныхъ двигателей, порождающихъ ложь и лесть демагоговъ, гораздо менѣе владѣющихъ толпою, чѣмъ ею управляемыхъ, и то кликушество митинговыхъ ораторовъ, которое для нихъ такъ характерно.

Создавъ себѣ кумиръ, больная толпа чутко его охраняетъ. И до тѣхъ поръ, пока толпа не развѣнчаетъ своего кумира, онъ остается неприкосновеннымъ. Увы: кумиръ помрачается обыкновенно столь же быстро, какъ и неожиданно возвеличивается. Но до тѣхъ поръ пока не произойдетъ низверженіе идола, никакое порицаніе, никакая критика этого временнаго божества невозможна. Онъ остается неприкосновенною святынею, которой должны поклоняться всѣ.

Ни съ кафедры, ни со столбцовъ печати нельзя дразнить больной толпы. Никто не напе-

чатаетъ статьи идущей въ разрѣзъ съ настроеніемъ и вѣрованіями общества. Попытка преждевременнаго развѣнчанія идола есть задача въ высшей степени неблагодарная, требующая рѣшительности, готовности на рѣзкія нападки и всеобщее осужденіе. Конечно, это помраченіе совершится въ свое время „судебъ повинуюсь закону“ и тогда то, что казалось лучезарнымъ людямъ прошлаго, предстанетъ пустымъ и дикимъ прозрѣвшимъ поколѣніямъ цивилизованнаго и здороваго чело-вѣчества.

3.

Своеобразная черта русскаго духа характеризуется появленіемъ на фонѣ исторической и общественной жизни типа юродиваго. Само по себѣ юродство есть явленіе достаточно загадочное и совершенно неизученное ни психологически, ни соціально. Юродивые на Руси однако появлялись во всѣ времена. Русскій народъ бережно и съ любовью относился къ этимъ „божьимъ людямъ“, и склоненъ былъ видѣть въ нихъ нѣчто мистическое. Юродивый появлялся на протяженіи исторіи въ различныхъ обликахъ. Житія святыхъ часто упоминаютъ о юродивыхъ и черты эти нерѣдко встрѣчаются у святителей церкви. Исторія повѣствуетъ о юродствѣ — какъ будто бы умышленномъ — одного изъ величайшихъ полководцевъ, а я лично помню юродивыя повадки одного изъ умнѣйшихъ и любимѣйшихъ профессоровъ университета времени моего ученія. По весямъ и дорогамъ нашей родины, по монастырямъ, по городскимъ трущобамъ дна, можно было встрѣтить этотъ русскій типъ, естественный или фальшивый, съ кривляющеюся мимикой и плоскими прибаутками съ причудливыми рѣчами, въ которыхъ охваченный благоговѣйною почтительностью

слушатель искалъ откровеніе или глубокой смыслъ. Нерѣдко народъ искалъ у юродивыхъ пророчества и просвѣщенія и, даже въ ругани и оскорбленіи юродиваго искали слова Божьяго.

Непониманіе юродаваго, исканье, въ немъ „правды Божьей“, заставляло паломниковъ чтить этотъ типъ. Нерѣдко принимали за юродиваго простого дурачка-имбецила, или душевно больного. Часто наблюдаются случаи напускного юродства. Такой актеръ учитывая психологію толпъ, любилъ лягнуть по психикѣ. Обругаетъ, насмѣется, скажетъ непонятную шутку и чѣмъ непонятнѣе изрѣченія, тѣмъ сильнѣе произведенное ею впечатлѣніе. Юродивому прощается даже издѣвательство.

Въ высшей степени интереснымъ является сообщенный мнѣ проф. А. П. Доброклонскимъ фактъ, что въ основѣ юродства среди монашества лежалъ обѣтъ смиренія, съ полнымъ подавленіемъ въ себѣ всякой гордыни и самолюбія. Если человѣкъ прикинется дуракомъ въ глазахъ другихъ и всѣ его будутъ считать таковымъ, то что же, казалось бы, можетъ быть бѣльшимъ униженіемъ личности и человѣческаго достоинства?

Но, страннымъ образомъ, этотъ методъ давалъ совершенно обратные результаты. Въмѣсто презрѣнія—дурачество возбуждало интересъ. Въ иносказательной и малопонятной рѣчи юродиваго паломники искали скрытый смыслъ и въ концѣ концовъ считали его умнымъ и прозорливымъ. Чувствуя себя центромъ вниманія и почитанія, юродивый не только не подавлялъ въ себѣ самолюбія, но возносился въ гордынѣ и самомнѣніи. Онъ становился объектомъ поклоненія и начиналъ уже сознательно обманывать публику, одушевляемый личнымъ честолюбіемъ.

Такимъ образомъ, въ основу юродства ложилось уже не смиреніе, а гордосць. Третированіе презираемыхъ почитателей и использование ихъ для славы и поклоненія.

Никогда юродивые не были дурачками и лишь прикидывались таковыми съ опредѣленною цѣлью.

Элементы юродства, напр., находимъ мы у Распутина въ его иносказательныхъ рѣчахъ и въ фамильярномъ третированіи своихъ охваченныхъ мистическимъ экстазомъ аристократическихъ поклонницъ.

Близко къ юродству стоитъ самоуничиженіе шутовъ. Тамъ подавленіе самолюбія полное, но проявляется шутовство въ мелочныхъ дѣяніяхъ и узкой сферѣ. Самобичеваніе и самоуничиженіе съ посрамленіемъ своей личности и крайнимъ униженіемъ находимъ мы у падшихъ, алкоголиковъ и героевъ дна. Настоящій же юродивый не унижается, его смиреніе — маска. Онъ унижаетъ другихъ и любитъ лягнуть сильныхъ міра, непременно въ предѣлахъ дозволеннаго. Нѣкоторыми чертами своими юродивый близокъ къ т. наз. оригиналамъ. Этотъ типъ, существующій въ каждомъ обществѣ, также въ большинствѣ случаевъ бываетъ фальшивымъ, комедіантскимъ. И юродивый и оригиналь имѣютъ своеобразную фнзіогномику. Ихъ одѣяніе, мимика, жестикауляція, особенно же говоръ, отличаются отъ обычныхъ. Ихъ поведеніе, поступки отличны отъ общепринятыхъ. Оригиналь неестественъ, въ немъ все напускное, онъ проявляетъ себя въ костюмѣ, въ повадкахъ. Главная черта его — эгоцентризмъ, старающійся обратить на себя вниманіе окружающихъ.

Съ этой точки зрѣнія всякій юродивый есть оригиналь. Его одежда всегда своеобразна. Пси-

хіатръ найдеть въ немъ отраженіе ненормальной психики. Въ зависимости отъ высоты соціального уровня среды, юродивый можетъ предстать въ различныхъ одѣянiяхъ, но почти всегда его нарядъ символизируетъ соціальное сниженіе и опрощеніе, а образъ жизни,—вспомнимъ Діогена въ бочкѣ,—стремится къ сближенію съ природнымъ и непременно противорѣчитъ общепринятому.

Лохмотья, полумонашеская ряса, босые ноги, обычно неопрятность и грязь. Нерѣдко декоративные придатки, напоминающіе отшельника-монаха, какъ посохъ и клобукъ, а въ большинствѣ случаевъ вычурная простота одежды. Грязные ноги и руки съ длинными ногтями, борода въ клочьяхъ и длинные волосы на головѣ.

Въ гармоніи съ костюмомъ стоитъ жилище юродиваго. И здѣсь царитъ небрежность и нечистота. Жилище напоминаетъ логовище, вещи безъ ухода за ними брошены въ беспорядкѣ. Создается декорація съ тщательнымъ подборомъ обстановки, мебели, вещей. Въ крайнихъ случаяхъ пародія на аскетизмъ, вплоть до соломеннаго ложа и даже бочки Діогена. Тогда какъ настоящіе аскеты-отшельники доходятъ до высокой степени поста, юродивые на людяхъ ѣдятъ хлѣбъ и воду, а за кулисами угощаются въ свое удовольствіе.

Бѣдность, отреченіе отъ благъ земныхъ — вотъ что требуетъ толпа поклонниковъ отъ аскетовъ и юродивыхъ. Соотвѣтственно этому создается или строится и декорація, въ которой живетъ „божій человѣкъ“. Мимика, жестикуляція и выразительныя движенія юродиваго театральны и неестественны. Онъ позируетъ, кривляется, гримасничаетъ. Онъ предается бездѣлю. Бродяжнической и нищенски-паразитической образъ жизни научаетъ юродиваго ориентироваться въ труппе-

бахъ дна и снискивать себѣ пропитаніе. Но именно типъ нищаго-юродиваго характеренъ тѣмъ, что не онъ выпрашиваетъ подаяніе, а люди сами несутъ его ему. Въ отличіе отъ нищихъ-бродягъ юродивые почти никогда не бываютъ пьяницами.

Къ юродивому, какъ и къ отшельникамъ-аскетамъ обыкновенно тянется потокъ паломниковъ и у нихъ вырабатываются особые приемы общенія со своими собесѣдниками. Они копируютъ оригиналовъ, не ведутъ со слушателями правильной бесѣды, а обычно встрѣчаютъ собесѣдника грубовато, съ пренебреженіемъ. Чѣмъ больше третируетъ онъ посѣтителя, тѣмъ выше поднимается въ глазахъ послѣдняго. Юродивый говоритъ иносказательно, короткими, непонятными изрѣченіями, часто издѣваясь надъ собесѣдникомъ, а иногда и просто выругаетъ его.

Разоблачить психику юродиваго, снять съ него маску, далеко не легко. Онъ „прикидывается дурачкомъ“. Въ своихъ вычурныхъ рѣчахъ и отрывочныхъ недосказанныхъ фразахъ онъ „рѣжетъ правду въ глаза“, особенно знатнымъ, высокопоставленнымъ людямъ и царственнымъ особамъ. Извѣстна юродивая выходка Діогена, въ отвѣтъ на вопросъ Александра Македонскаго о его желаніяхъ, попросившаго его отойти въ сторону, чтобы не заслонять свѣта, или его поиски „человѣка“ днемъ съ фонаремъ. Подобныя выходки ясно показываютъ, что въ лицѣ юродивыхъ мы имѣемъ вовсе не слабоумныхъ и не прирожденныхъ дурачковъ, а часто людей достаточно умныхъ, которые и „себѣ на умѣ“. Юродивый преслѣдуетъ въ своемъ юродствѣ выгоду.

Ни въ средѣ душевно-больныхъ и слабоумныхъ, ни въ рядахъ бродягъ и нищихъ, чистыхъ юродивыхъ мы не встрѣчаемъ, хотя часто бродяга иногда надѣваетъ на себя нарядъ юродиваго. Въ

тѣ времена, когда на Руси было еще достаточно „не помнящихъ родства“ бродягъ, которые по закону наказывались плетьюми, а затѣмъ ссылались въ Сибирь, самое бродяжество нерѣдко было ловкимъ приѣмомъ сокрытія для бѣглыхъ каторжниковъ и дезертировъ. Юродство какъ форму симуляцій можно было встрѣтить еще въ старыхъ домахъ умалишенныхъ и богодѣльняхъ. Подъ личиною юродивыхъ и не помнящихъ родства бродягъ такъ скрывались и благополучно коротали свой вѣкъ бѣжавшіе каторжники. Въ харьковской губ. больницѣ, я много лѣтъ наблюдалъ такого фальшиваго бродягу, называвшагося Іисусомъ. Все въ этой фигурѣ было дѣлано, но по поведенію, рѣчамъ и внѣшности онъ представлялъ собою чистаго юродиваго, прошлое котораго такъ и не удалось расшифровать. Въ этомъ явно преступномъ обликѣ сквозилъ трезвый умъ, достаточная хитрость и великолѣпное умѣніе использовать обстановку. Были основанія полагать, что подъ его личиною скрывался бѣглый каторжникъ.

Юродивый прекрасно дѣлаетъ свой выборъ и знаетъ какъ съ кѣмъ говорить. Онъ любитъ дерзить сильнымъ міра, онъ презрительно иронизируетъ предъ чернью и часто оскорбляетъ своихъ поклонниковъ, издѣваясь надъ ними.

Однажды студенчество на вечерѣ чествовало своего любимаго, но юродствующаго профессора. Его несли студенты на стулѣ въ залъ переполненномъ публикой. Когда его, среди овацій спустили на землю, маститый профессоръ захихикалъ и произнесъ: „хи, хи, хи... на ослахъ прокатился“!.. Въ отвѣтъ на это толпа еще громче заорала свое привѣтствіе.

Юродивый любитъ говорить туманно и заниматься пророче-ствомъ.

У меня зарегистрировано пророчество Федьки

Юродиваго изъ Кіева, который въ началѣ войны предсказалъ, что „нѣмцы напоятъ въ Днѣпрѣ своихъ коней“.

Юродство слѣд. есть искусственный нарядъ, который надѣвается съ опредѣленной цѣлью и, конечно, ставится вопросъ, какова эта цѣль?

Прежде всего юродство какъ и шутовство имѣетъ цѣлью привлечь къ себѣ вниманіе зрителей. Обыкновенно юродство есть орудіе людей ничтожныхъ, себялюбивыхъ и эгоцентричныхъ, не могущихъ выдвинуться болѣе достойнымъ образомъ. Очень страннымъ поэтому является юродство крупныхъ полководцевъ, философовъ, ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, заслуги которыхъ достаточно велики и безъ шутовского наряда.

Но юродство легко дается и этимъ можно объяснить дурачество и ложь несомнѣнно умныхъ людей.

Юродивый лжетъ, обманываетъ и вводитъ въ заблужденіе.

Шутки его плоски, остроуміе, обычно не глубоко. Обманамъ его поддается толпа. Къ юродивому проявляется интересъ, затѣмъ поклоненіе и, наконецъ, развивается настоящее паломничество къ новоявленному кумиру.

Жизнь юродиваго бесплодна и бездѣльна. По отношенію къ обществу это типъ паразитическій и вредный.

Черты юродства, усваиваемыя умными и сильными людьми, служатъ имъ способомъ привлеченія къ себѣ неуравновѣшенныхъ лицъ и группъ, которыя вообще столь падки на все оригинальное и необычайное, и которыя такъ легко создаютъ славу.

Очень характерна толпа паломниковъ, стекающихся на поклоненіе юродивому. Здѣсь имен-

но выявляется со стороны экзальтированных, мистически настроенных людей исканье откровенья тамъ, гдѣ есть простой обманъ и хитрость. Публика ищетъ мудрости въ глупыхъ фразахъ издѣвающагося надъ нею оратора.

По отношенію къ своимъ поклонникамъ юродивый проявляетъ цинизмъ и дерзость, и оскорбленные смакують свое униженіе. Даже царственные особы покорно глотають дерзкія рѣчи юродивыхъ.

Юродивый нахаленъ, но, будучи по существу трусливымъ, онъ быстро отступаетъ, если нарѣжется на отпоръ. По этому поступки юродиваго обычно не выходятъ за предѣлы дозволеннаго и онъ довольно хорошо уживается съ закономъ.

Въ отличіе отъ чистаго бродяги, юродивый рѣдко бываетъ порочнымъ, но за то въ немъ зарѣчаются характерныя черты внѣшне сближающія его съ падшими. Главная изъ этихъ чертъ есть фальшивое, неискреннее самоуниженіе. Но на ряду с формальнымъ самоуниженіемъ царитъ неугасимая гордость, честолюбіе и себялюбіе, жаждущее поклоненія и пользующееся опрощеніемъ лишь какъ методомъ.

Юродивый окруженъ ореоломъ легендъ, толпа въ немъ видитъ челоуѣчка необыкновеннаго. По своимъ господствующимъ эмоціямъ юродивыя люди злобны, завистливы, трусливы. Эти люди не обладаютъ сильной волею, а въ большинствѣ случаевъ слабовольны. Будучи завистливыми они любятъ критиковать, поносить. Будучи невѣждами, они критикуютъ науку, и осуждаютъ власть имущихъ. Будучи жадными къ земнымъ благамъ, они дѣлають видъ, что къ нимъ равнодушны. Они любятъ поучать другихъ и очень ревнивы къ чужимъ успѣхамъ и славѣ.

Юродивыя интеллигенты, очень нетерпи-

мы къ чужимъ взглядамъ, успѣхамъ и любятъ издѣваться надъ всѣмъ что имъ не правится. Очень интересно массовое юродство. Въ періодъ разложенія русскаго интеллигентнаго общества предшествовавшаго революціи народилась характерная группа футуристовъ, состоящая изъ непризнанныхъ поэтовъ и художниковъ. Компанія бездарныхъ неудачниковъ, не достигшая успѣха на поприщѣ искусства, вступила на путь дерзкаго искаженія общепринятыхъ формъ въ искусствѣ. Свои произведенія, лишенные смысла, свои скудныя мысли и творчество она облекала въ каррикатурныя, необычныя формы, доходящія до полнаго юродства. Недоумѣвающая, огорошенная публика, уже запутавшаяся въ больныхъ исканіяхъ, сначала не могла разобратъся въ простай дерзости, и искала въ непонятномъ „новомъ пути“ откровеніе, а футуристы и кубисты дерзко издѣвались надъ толпою. Татурированные маскарадныя фигуры, на посмѣшище здоровыхъ зрителей парадировали на театральной сценѣ жизни, а знаменитая картина, на которой будто-бы мазкомъ ослинаго хвоста, были нанесены краски на полотно, должна была символизировать великое твореніе со скрытымъ смысломъ. Подобное юродство давало заработокъ, а больной читатель и зритель искалъ въ немъ философіи и откровенія. Такъ создавала себѣ кумировъ метущаяся въ неопредѣленныхъ исканіяхъ душа людей въ предверіи величайшей катастрофы и умопомраченія.

4.

Не подлежить сомнѣнію, что въ лицѣ Льва Толстого мы имѣемъ величайшій талантъ писателя художника. Оцѣнка его какъ такового ни входитъ въ мою компетенцію и сдѣлана достаточно полно

историками русской художественной литературы. Психологическая сила Толстовскаго слова не въ законченной и красивой фразеологической обработкѣ и конструкціи грамматическихъ періодовъ, а въ необыкновенной образности его рѣчи. Каждая фраза вызываетъ въ фантазіи читающаго кинематографическія ленты яркихъ образовъ. Описываетъ ли онъ природу или сложнѣйшія взаимоотношенія людей, эта образность сохраняется во всей силѣ отъ произведеній молодыхъ лѣтъ до твореній его глубокой старости. Онъ не только воспроизводитъ жизнь какъ видитъ, но своей фантазіей уносится вдаль прошлаго, при чемъ картины фантазіи ничуть не блѣднѣе отраженія дѣйствительности.

Однако въ этомъ художественномъ творествѣ съ первыхъ произведеній выступаетъ и сквозитъ личность и эгоизмъ художника. Особенно въ „дѣтствѣ, отрочествѣ и юности“ мы видимъ мастерски нанесенныя черты развивающейся психики, рѣзко поражающія читателя, который въ нихъ узнаетъ самого себя. Нѣтъ никакого основанія видѣть въ нихъ патологическія черты дѣтства и юности. Современная психологія хорошо овладѣла тѣми своеобразными свойствами дѣтской психики, ея надломами и диссонансами, которыя особенно характерны для періода пробужденія весны. Великолѣпно обрисованы застѣнчивость и тормозящіе факторы героя, въ которомъ писатель даетъ собственное свое изображеніе. Но уже въ этихъ произведеніяхъ можно отмѣтить одну черту, впоследствии до крайности проявившуюся въ послѣднихъ его произведеніяхъ и получившую уродливую форму подъ кистью послѣдователей великаго мастера.

Писать челоуѣка, его душу, принято не полностью, а въ опредѣленныхъ штрихахъ и краскахъ, поскольку они открыты наблюдателю. У

каждаго человѣка есть скрытый міръ его тайныхъ думъ, желаній и страстей, которыя онъ глубоко хранитъ въ тайникахъ своей души. Уже съ раннихъ лѣтъ своей юности человѣкъ надѣваетъ на себя маску, въ которой фигурируетъ передъ другими. Только наединѣ съ собою онъ признается въ своихъ „поганныхъ“ мысляхъ и грѣховныхъ желаніяхъ. Какъ было бы ужасно, если бы вдругъ передъ всѣми раскрылись тайники души каждаяго человѣка и его психика со всѣми тайными желаніями и подавленными страстями предстала взору зрителя. Есть тайный, сокровенный міръ, который не принято выносить на сцену. Но психологія уже знаетъ, что этотъ тайный міръ думъ и влеченій есть у каждаяго, при томъ почти въ одной и той же формѣ.

Толстой впервые довольно смѣло раскрываетъ эти переживанія, и каждый въ его образахъ узнаетъ самого себя. Онъ не боится признаться въ дурныхъ влеченіяхъ и мысляхъ, относительно которыхъ каждый обыкновенно думаетъ, что лишь онъ одинъ ихъ переживалъ.

Когда въ послѣдствіи Леонидъ Андреевъ въ „Туманѣ“ и въ „Безднѣ“ обнажилъ преступныя влеченія, отраженія которыхъ вѣроятно многіе нашли въ тайникахъ своей души, читатель сначала ужаснулся, а когда на страницахъ „пробужденія весны“ Ведекинды вынесъ на арену сексуальные диссонансы и временныя болѣзни развитія полового чувства, которыми раньше занималась психіатрія, тайники души уже стали объектомъ не психопатологіи, а художественной литературы.

Очень часто у дѣтей и юношей наблюдаются задержки и торможенія, такъ хорошо выявленныя въ цитированныхъ произведеніяхъ Толстого. Но здѣсь же проявляется фигура довольно мрачнаго, завистливаго, отчасти нелюдимаго юноши, который

страдаетъ прежде всего сознаниемъ своего внѣшняго безобразія, связаннаго съ неисчерпаемой гордыней духа и себялюбіемъ. Вѣчный душевный разладъ и неудовлетворенность, необычайный талантъ и неспособность—лѣнь къ систематическому обученію. „Что дѣлать, если я не понимаю интеграловъ“! говоритъ онъ языкомъ одного изъ своихъ героевъ. Непокорный умъ хочетъ освоить знанье самоучкой и безъ затраты труда. Онъ любитъ разсуждать безъ твердо заложеннаго фундамента. Онъ ставитъ себѣ цѣлью размышленія сложнѣйшія міровыя и соціальныя загадки, и, вкладывая свои мысли въ уста своихъ героевъ, пытается найти новые пути, пренебрегая опытомъ науки и знанія.

Вотъ почему во всѣхъ произведеніяхъ великаго художника сквозитъ недовольство всѣмъ и слышится критика и осужденіе всего и всѣхъ. Какъ мастерски онъ не опишетъ картину, непременно вложитъ въ нее духъ сомнѣнія и порицанія. Повсюду онъ отгнѣнитъ исканіе неопредѣленной цѣли и недовольство настоящимъ.

Великій писатель никогда не оставался лишь живописцемъ. Онъ брался прежде всего за психологическій анализъ безъ знанія психологіи. Онъ хотѣлъ рѣшать проблемы философіи, не имѣя понятія о философіи. Онъ не зналъ науки и не могъ простить себѣ своего диллетантизма, дерзая срушить кумиры общества. Подавляемый величіемъ трансцендентнаго, онъ впервые ворвался въ этотъ міръ, опубликовавъ свою исповѣдь и поставивъ вопросъ, „въ чемъ моя вѣра?“ Въ сумбурѣ исповѣди онъ отразилъ весь хаосъ своихъ исканій, а во второмъ произведеніи такъ и не отвѣтилъ, въ чемъ его вѣра, обнаруживъ полнѣйшее невѣжество въ области богословія и непонявъ рели-

гіозной символики, что привело его въ послѣдующихъ произведеніяхъ къ кощунству.

Но именно въ этихъ произведеніяхъ выражается тотъ переломъ, который осквернилъ всѣ произведенія послѣдняго періода жизни писателя.

Проповѣдь безвѣрія смѣшалась съ дикой философіей и проповѣдью анархической морали.

Слово талантливаго, всѣми признанаго писателя, дѣйствовало на читателя одуряюще, словно открывались ему какіе-то новые пути. Толстого сначала просто не поняли. Но ореоль графу созидало его театральное отрѣченіе отъ титула и запрещеніе его произведеній. Исповѣдь и „въ чемъ моя вѣра“ тогда нами усердно переписывались и распространялись въ рукописи. Мы — молодежь того времени — ее мало понимали, но чѣмъ запретнѣе былъ плодъ, тѣмъ былъ онъ слаще.

Надо было вѣрить и жить иначе, училъ писатель. И скоро путь былъ указанъ. Во время моего студенчества подъ именемъ толстовщины возобновилось движеніе въ народъ семидесятниковъ, на этотъ разъ уже не съ пѣлью пропаганды революціи и бунта, а для воплощенія соціальнаго сниженія и опрощенія интеллигенціи. Цѣлыя волны недоучившейся и неуравновѣшенной молодежи шли въ такъ называемыя толстовскія колоніи, гдѣ жили полукоммунами, полумонашескими братствами, и только въ рѣдкихъ случаяхъ послѣ этого паденія слѣдовало прозрѣніе съ воскресеніемъ интеллигента съ возвращеніемъ его на прежній путь. Толстовцы были почти сплошь люди падшіе, полубольные, слабые умомъ и волей, лѣнивые къ ученію и неспособные къ борьбѣ за существованіе. Почти всѣ эти колоніи бесплодно разложились, не давъ ничего положительнаго для культурной жизни Россіи и выработавъ типъ полухама. Они однако вдохновлялись проповѣдью

новой морали и жизни писателя, быстро превращавшагося въ сектанта и философа - моралиста.

Какова была эта философія и мораль, никто не понималъ. Но прдпаганда отрицанія легко воскресила формы лишь недавно сошедшаго со сцены нигилизма и пришлась по вкусу русской интеллигенціи.

Громадное впечатлѣніе производили слухи о томъ, что графъ отрекся отъ титула и, измѣнивъ свои привычки, сталъ опрощаться.

Онъ призывалъ интеллигенцію къ сниженію, къ оставленію умственного труда, къ возвращенію къ землѣ и физическому труду. Въ Толстовской проповѣди чувствовался вмѣстѣ съ отголосками нигилизма, призывъ къ анархіи, коммунизму и безвѣрію. Это безвѣріе опиралось на легенды объ измѣненіи образа жизни писателя и графа, его отрѣченіи отъ благъ земныхъ, объ отдачѣ имъ земли крестьянамъ и проч. Ясная Поляна стала чѣмъ-то вродѣ Мекки, куда стекались люди неуравновѣшенные, ищущіе правды и откровенія. Люди добивалась увидѣть учителя и поговорить съ нимъ.

Для выясненія настоящаго образа Толстого слѣдуетъ изучить во-первыхъ его морально-философское ученіе, поскольку оно проявляется въ его произведеніяхъ, а во вторыхъ его личный образъ жизни и дѣянія, поскольку они воплощаютъ это ученіе въ жизнь.

Обращаясь къ произведеніямъ Льва Толстого, относящимся къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, мы видимъ въ нихъ облеченная попрежнему въ прекрасную художественную форму сумбурныя размышленія человѣка, обладающаго первобытнымъ, наивнымъ и неразвитымъ умомъ, совершенно необразованнаго въ смыслѣ знаній, невѣжды во всѣхъ отрасляхъ науки и соціологіи. Онъ

совершенно не знакомъ съ богословіемъ; онъ совершенно не знаетъ психологіи и только инстинктивно художественнымъ чутьемъ иногда тонко схватываетъ внѣшнія проявленія сложныхъ душевныхъ переживаній, истолковывая ихъ на свой ладъ.

Никакой новой философіи и морали въ его ученіи нѣтъ. Проповѣдь о непротивленіи злу слаба и непослѣдовательна. Онъ часто выступаетъ злобно на современныя темы, будучи всегда всѣмъ недоволенъ, все осуждая, все порицая. Онъ „не можетъ молчать“, но когда говоритъ, не высказываетъ ничего новаго. Онъ почти непрерывно, порицаетъ правительство, однако въ предѣлахъ дозволеннаго; ведетъ проповѣдь безвѣрія, анархіи и неповиновенія власти.

Онъ доходитъ до полного кощунства, обнаруживая полное невѣжество въ области религіозной символики. Онъ злобенъ и ненавистенъ ко всему, что его окружаетъ и нигдѣ не проявляетъ ни доброты ни всепрощенія.

Совершенно удивительно, какъ въ этомъ слабоумномъ сумбурѣ мыслей можно было искать великихъ откровеній и, несмотря на идолопоклонство прессы и общественнаго мнѣнія, никто никогда такъ и не разобралъ, въ чемъ же корень и суть ученія Толстого, въ чемъ произнесено имъ новое слово.

И если бы все это говорилъ не графъ и не великій писатель никто бы не читалъ его глупыхъ разсужденій. Но ореоль былъ созданъ, сѣмя брошено и оно дало богатый всходъ въ смыслѣ разрушенія культуры, народженія анархіи и бунта.

Особенно характерно отношеніе Толстого къ наукѣ. Оно ироническое и отрицательное. Онъ былъ лѣнивъ, невѣжественъ и не обладалъ элементарными познаніями

Его проповѣдь новой жизни полна противорѣчій, не имѣетъ никакой руководящей идеи. Это не чистый коммунизмъ, и не социализмъ. Въ немъ много нигилизма и совершенно нѣтъ здраваго смысла. Мало понятно, какъ могло овладѣть умами русской интеллигенціи такое ученіе. Оно все проникнуто фальшью и неискренностью, а попытка проведенія его въ жизнь какъ учителемъ такъ и учениками, породило только карикатуры.

Все ученіе имѣетъ только разрушительное вліяніе, какъ будто духъ зла воцарился въ мрачнаго старца, одержимаго страстью къ порицанію и всеосужденію. Какой бы социальный вопросъ онъ ни затронулъ, будутъ ли это взаимоотношенія хозяина и работника, карикатурное воскресеніе русскаго барина или насмѣшка надъ плодами просвѣщенія, онъ только задѣнетъ его, насмѣется и броситъ неразрѣшеннымъ.

Все не такъ, все должно быть иначе. Мнѣ приходилось видѣть и говорить со многими моими кліентами изъ міра психопатовъ, которые ходили на поклоненіе къ великому кумиру и „удостоились“. Это были поклоненія пророку. Но никогда никто не приходилъ утѣшеннымъ. Никто никогда не нашелъ ключей счастья ни въ бесѣдахъ со старцемъ, ни въ чтеніи его произведеній. Его ученіе сѣяло только разладъ въ душѣ.

Въ твореніяхъ Толстого больше злобы чѣмъ юродства. Это дерзаніе невѣжды и потому его насмѣшки и парадоксы звучатъ довольно слабо. Его ученіе не самостоятельно и не оригинально, ибо мысли — имъ формулируемыя — это мысли старыя, отрывочно нахваченныя, и лишь повторяемыя на особый ладъ.

Онъ недурно схватывалъ нѣкоторыя цитаты и вкадывалъ ихъ въ уста своихъ героевъ, осо-

бенно тамъ, гдѣ дѣло касалось душевнаго разлада, которымъ былъ полонъ самъ авторъ.

Переходя къ поведенію и образу жизни писателя мы здѣсь несомнѣнно находимъ всѣ типичныя черты юродства челоуѣка ограниченнаго ума, слабой воли, но злобно-завистливаго и неудовлетвореннаго. Черезъ всю юность его проходитъ недовольство своимъ внѣшнимъ безобразіемъ, обрекающимъ его на неуспѣхъ у женщинъ. Отсюда зависть, при необыкновенномъ себялюбіи и честолюбіи. Удивительно, что, рано признанный талантъ, онъ не удовлетворился лаврами писателя, а вступивъ на путь юродства, сталъ искать почестей и славы какъ моралистъ и апостолъ новой вѣры. Сильнѣйшій эгоцентристъ, онъ ненавидѣлъ весь міръ и сталъ покорять его юродствомъ.

Увидѣвъ, что откровенныя признанія и резонерства его героевъ на соціальныя темы (Пьеръ Безуховъ) имѣють успѣхъ, онъ нашель ту струнку, на которую резонируютъ людскія души. Свои скрытыя сомнѣнія и исканіе онъ вынесъ публикѣ въ своей исповѣди.

Но чистая проповѣдь его не удовлетворила и мы видѣли стремленіе провести ее въ жизнь. Никогда эта проповѣдь не была искренна и въ этомъ именно заключалась трудность ея осуществленія. Всѣ толстовскія колоніи разорялись, превращались въ каррикатуру непротивленья злу и гибели. Самъ Толстой никогда не могъ осуществить настоящаго опрощенія и вступилъ на путь обмана и театральной позировки. Онъ не прикидывался дурачкомъ, какъ дѣлали это монахи-святители, но дѣлался оригиналомъ со всѣма чертами юродиваго. И именно то, что на протяженіи четверти вѣка мы видимъ у Толстого, есть настоящее юродство.

Вся декорація двойная, одна на показъ, дру-

гая на себя. Въ недавнихъ воспоминаніяхъ бор-
вессы Кнорингъ съ поражающею откровенностью
разоблачена эта двойственность. Два кабинета.
Одинъ для дураковъ-почитателей, а другой для
писателя.

Никогда, говоритъ графиня, графъ не па-
халъ и только однажды узнавъ, что по дорогѣ
проѣзжаетъ знатный иностранецъ, онъ продѣлалъ
эту комедію. А между тѣмъ по всему свѣту раз-
носилась гнусная карриатура пахаря въ мужиц-
кой рубахѣ за сохой.

Кому бы простили эту комедію, какъ только
не полубогу? Всѣ остальные повадки юродствующаго
графа, могутъ вызвать лишь презрѣніе. И
не хватало только мальчика изъ Андерсоновской
сказки, который бы крикнулъ „да онъ вѣдь го-
лый! Онъ обманщикъ“!

Гораздо серьезнѣе звучалъ призывъ къ анар-
хіи и къ бунту. По всюду подстреканье къ непо-
виновенію власти. Во время Японской войны, онъ
былъ однимъ изъ первыхъ критиковъ войны. Когда
кровь русскаго солдата лилась на сопкахъ Манд-
журіи, графъ писалъ о ненужности войны, и осуж-
ждалъ ее. Никогда не забуду сцены олицетворяв-
шей глупость и слабость власти. Въ то время
когда Толстой проповѣдывалъ ненужность вой-
ны, я, обходя съ начальникомъ авангарда пере-
довыя цѣпи на сопкахъ Манджуріи, видѣлъ,
какъ солдатъ Орловскаго полка снабжали книж-
ками и эти книжки были антимилиитаристическія
произведенія Льва Толстого!

Анархистъ-графъ лишь въ проповѣди отрѣ-
кался отъ земли, удобствъ и денегъ, ссылаясь на
графинюшку, которая не позволяла все раздать.
Эту ложь знали и всѣ ее терпѣли.

Когда бывало задашь вопросъ, да въ чемъ
же Толстой великъ, вы никогда не получали от-

вѣта на вопросъ и повторялось только, что какъ художникъ онъ несравнимъ. Ни одной оригинальной мысли, ничего кромѣ поруганья святынь и строя жизни. Двадцать лѣтъ одно и тоже на различный ладъ.

Толстому прощались величайшія каррикатуры и даже мерзкую пощечену русскому обществу въ формѣ „плодовъ просвѣщенія“ на позоръ русской мысли подносятъ на чужбинѣ публикѣ. Даже замѣчанія расположенныхъ къ Россіи интеллигентныхъ сербовъ о неумѣстности подобной выходки не могутъ отрѣзвить зарвавшася въ своемъ идолопоклонствѣ русскаго общества.

Что ни тронетъ Толстой въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, оплюетъ, прокритикуетъ, недоговоритъ, а слушатели ищутъ Америки. Написалъ Крейцерову Сонату. Но если прослушать произведеніе Бетховена при всемъ желаніи не поймешь, при чемъ тутъ половой вопросъ?

Красной нитью черезъ всѣ произведенія Толстого проходитъ систематическое порицаніе.

Первая проблема, которую онъ разбираетъ — война. Абсурдная оцѣнка полуграмотнаго анти-милитариста развѣнчиваетъ героевъ и полководцевъ, отмѣчаетъ анархичность боя и запутываетъ вопросы боевой психологіи, внося сумбуръ въ мозги профановъ. Только М. И. Драгомировъ дерзнулъ дать правильную оцѣнку этихъ анти-милитаристическихъ разсужденій. Въ слѣдующей проблемѣ онъ предается религіозной критикѣ, или вѣрнѣе поруганію, онъ обнаруживаетъ себя не умнымъ доморощеннымъ богословомъ. Философія Толстого есть жалкій наборъ отрывочныхъ мыслей безъ системы и знаній. Въ наукѣ — это полный невѣжда, дерзкій въ своемъ поруганіи. Затрагиваетъ семью, бракъ и половыя отношенія — получается одинъ сумбуръ.

Нигдѣ, никогда не указалъ пути къ разрѣшенію критикуемаго положенія. Чистый нигилизмъ въ нарядѣ невѣжества.

Какъ же могла подобная проповѣдь имѣть успѣхъ у русской интеллигенціи, вообще говоря, высоко образованной? Какъ могли просмотрѣть подобную шаткость философіи критики его произведеній? Если репортерная пресса и политическія теченія, которымъ эта проповѣдь могла быть выгодна, создавали себѣ кумира въ лицѣ Толстого, какъ же могли молчать ученые и образованные литераторы?

Объясненіе находили мы въ характерныхъ чертахъ психической заразы, внушенія и моды охватывающихъ все общество въ его симпатіяхъ и вѣрованіяхъ. Публика любитъ необычное. Поэтому оригинальность и юродство Толстого, какъ графа, импонировала. Но съ другой стороны въ обществѣ уже подготовлялась революція и снившійся графъ, швырявшій титуломъ, былъ привлекателенъ, хотя и жалокъ. Такими въ эти времена бываютъ всѣ ренегаты. Именно въ проповѣди Толстого нельзя не видѣть одинъ изъ главныхъ факторовъ разрушенія наступающей революціи, ими былъ отравленъ умъ общества и растлѣніе шло быстрыми шагами.

Въ силу боязни общественнаго мнѣнія ученые съ крупнымъ цензомъ и именами никогда не рѣшались выступить противъ Толстого. Такое выступленіе въ силу законовъ умственной эпидеміи и въ настоящее время обречено на полный провалъ, ибо еще не наступило время помраченія воздвигнутаго на небывалую высоту полубога и время возгласа андерсоновскаго мальчика, указавшаго на духовную наготу юродствующаго графа еще не пришло.

Но когда наступитъ прозрѣніе этотъ мни-

мый великанъ русской мысли, а въ дѣйствительности разрушитель русской культуры, съятель разгрома и анархіи, предстанетъ потомкамъ во всей наготѣ своего лживаго юродства, не имѣя даже оправданія въ видѣ обѣта смиренія монаховъ-юродивыхъ, клавшихъ въ основу подвига смиреніе, подавленіе гордыни и уничиженіе. Въ дерзкомъ идолѣ потомство найдетъ лишь невѣжество, обманъ и театральность. Сквозь эту черную маску останется лишь видѣнь крупный талантъ писателя-художника, котораго не могъ заглушить даже каррикатурный нарядъ юродиваго.

Нельзя, конечно, игнорировать съ точки зрѣнія психопатологіи и тотъ глубокій душевный надломъ великаго писателя, который приводилъ его чуткую психику къ большимъ страданіямъ. Подъ типичною картиною юродиваго поведенія кроется тяжелый душевный разладъ, столь характерный для русскаго духа.

Съ психологической точки зрѣнія вссьма загадочнымъ является трагическій конецъ писателя, покинувшаго свой домъ и ушедшаго въ предсмертное бродяжество. Едва ли здѣсь можно говорить о театральномъ актѣ, и этотъ странный поступокъ, таящій подъ собою великое душевное страданіе, стоитъ въ полной гармоніи съ чисто русскими душевными движеніями и традиционными поступками. Въ немъ сквозитъ какъ бы подвигъ покаянія за великое зло, причиненное Родинѣ и быть можетъ именно этотъ драматическій конецъ можетъ во многомъ примирить русскаго человѣка съ памятью великаго поэта-художника.

